

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И КОНСЕНСУС В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ*

Н. РУЛАН**

Статья посвящена анализу эволюции представлений об индивиде в западном обществе и в традиционном обществе. Автор утверждает, что история западного мира обязывает исследователя рассматривать понятие индивида с различных сторон. При этом необходимо принимать во внимание такие понятия, как демократия, равенство, справедливость и порядок. В то же время демократия, а вместе с ней и индивидуальные права оказываются под угрозой. В современном западном обществе не только формируется индивидуальность, но и укореняются мифы об абстрактном индивиде и о равенстве как одном из оснований демократии. К числу политических мифов автор относит разделение властей, народную волю, неделимость территории и законодательное единство. Кроме того, юридическая антропология знает такие политические режимы, которые можно назвать «демократиями без индивида». Что касается традиционного общества, то индивиду отводится в нем скромная роль. Личное местоимение «я» известно азиатским языкам, но оно используется в них значительно реже, чем в западных языках. Однако традиционное общество продолжает существовать и устанавливает в своих недрах порядок и справедливость, даже если последняя приобретает формы, несовместимые с западными концепциями справедливости. Баланс интересов в традиционном обществе часто обеспечивается благодаря так называемой «коммунитарной» модели. Тем не менее, несмотря на очевидные различия между ними, у западного общества и традиционного общества много схожих черт. Сравнивая способы регулирования поведения человека в традиционном обществе и во Франции XVIII–XXI вв., автор приходит к выводу о том, что в каждом человеке сосуществуют разум дикаря и современный разум, что дает начало юридическому плюрализму.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: индивидуальность, демократия, равенство, справедливость, различие.

ROULAND N. INDIVIDUAL RESPONSIBILITY AND CONSENSUS IN TRADITIONAL SOCIETIES

The article analyses the evolution of ideas about an individual in the western society and in the traditional society. The author states that the history of the western world

* *Rouland N. Responsabilité individuelle et consensus dans les sociétés traditionnelles.* — Настоящая статья основана на материалах доклада, представленного на международном симпозиуме «Ответственность в условиях демократии» (Санкт-Петербург, 20–21 марта 2014 г.). Перевод с французского языка В. А. Токарева (basiletok@gmail.com).

** Рулан Норбер — профессор Университета Экс-Марсель (Франция).

Rouland Norbert — professor of the Aix-Marseille University (France).

E-mail: norbert.rouland@wanadoo.fr

© Rouland Norbert, 2014

© Токарев В. А., перевод на русский язык, 2014

obliges the researcher to consider the notion of an individual from different aspects. Such notions as democracy, equality, justice, and order should also be taken into consideration. At the same time democracy, along with individual rights, is at risk. In the modern western society not only a personality is being formed, but also myths about an abstract individual and equality as one of the foundations of democracy are being established. According to the author, political myths include separation of powers, people's will, indivisible territory and legislative unity. Moreover, legal anthropology knows political regimes which may be called "democracy without an individual". As for the traditional society, an individual plays no essential role in it. There is a personal pronoun "I" in the Asian languages, but it is used less often than in the western languages. However, the traditional society continues to exist and establishes within itself order and justice, even if the latter takes the forms incompatible with the western concepts of justice. The balance of interests in the traditional society is often ensured by means of a so-called "communitarian" model. Nevertheless, despite the obvious differences between them, the western and the traditional societies have much in common. Comparing the methods of regulation of a person's behaviour in the traditional society and in France in the 18th — 21st centuries, the author comes to conclusion that in every person there exist the reason of a savage and the modern reason; and it gives rise to the legal pluralism.

KEYWORDS: individuality, democracy, equality, justice, difference.

КОНЕЦ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ?

В 1968 г. мне было 20 лет, и я был студентом. С конца 60-х годов в разных уголках разделенного мира происходили поразительные события: культурная революция в Китае, которая хотела стереть память о прошлом, несовместимым с линией Партии; Пражская весна в Чехословакии, которая верила в социализм с человеческим лицом (Александр Дубчек), — эта брешь в Советской Империи была быстро заполнена; «Тихая революция» в Квебеке (не менее значимая, чем другие, но часто игнорируемая, возможно, потому, что она обошлась без жертв); и в западном мире, начиная с США, массовое движение недовольства установленными порядками. На глобальном уровне утверждалась личность. Но не только. Во Франции совершается переворот в гуманитарных науках: надежда на обновленный марксизм, популярность структурализма, психоанализа. И еще стремление «растворить человека» (Мишель Фуко и Клод Леви-Стросс).

Итак, контрастные пейзажи. После распада СССР некоторое время верили в «дивиденды мира» и в безграничное распространение демократии. Не долго. Возросло количество локальных войн. Реванш религий — немыслимый в 70-е гг. — становится все очевиднее. Речь пока не идет о религиозных конфликтах: в отличие от религиозных войн в старой Европе, они (конфликты) не связаны ни с какими теологическими спорами — религии являются маркерами этнических или культурных конфликтов. Экономическая глобализация имеет непредвиденные последствия: она может вести к своей противоположности в культурном плане и опровергать предсказание Ренана, сделанное им в 1860 г.: «Я вижу в будущем гомогенное человечество, где все самобытные ручьи сольются в одну большую реку и где любое воспоминание о ее различных источниках будет предано забвению».

Кажется, демократия, исключительный режим в истории человечества, снова под угрозой. А вместе с ней — индивидуальные права, в той

мере, в какой они связаны с нашими концепциями демократии. Хотя равенство не всегда легко установить. Демократия по-французски, покоящаяся вплоть до сегодняшнего дня на принципе единообразия, идущем от французской революционной традиции? Ассоциативная демократия по-нидерландски, основанная на таком фундаменте, как объединение групп? Прямая демократия по-швейцарски? И какая судьба ждет меньшинства и коренные народы? Правило большинства всегда неблагоприятно для них. Должны ли мы признать их права и в какой форме — индивидуальной или коллективной? Дебаты далеки от завершения...

Однако в западной цивилизации представление об индивиде возникло давно. Разумеется, его можно увидеть в греческой демократии (не забывая о неравенстве, поражающем нас в этом обществе). Затем в номинализме. Для него общие идеи (универсалии) не существуют в реальности. Есть только отдельные объекты; в политической сфере это индивиды. Как отмечает Ксавье Мартен, французские философы-просветители, представляющие одно из самых значимых течений в истории обоснования прав человека, испытали на себе влияние этого учения.¹ Жан-Жак Руссо утверждает: «Все же методы обобщения и абстрагирования вызывают у меня сомнения, поскольку крайне мало соответствуют нашим способностям. Наши чувства лишь показывают нам индивидов, внимание различает их, суждение может сравнивать одного с другим, но этим все и ограничивается».²

Наконец, еще одним важным источником индивидуализма является протестантизм: индивид может прийти к Богу путем непосредственного чтения священных текстов, не нуждаясь больше в их авторитетных ученых интерпретациях.

Западная история, таким образом, обязывает рассматривать понятие индивида с различных сторон: обращение к нему не является ни постоянным, ни тем более однолинейным. Тем не менее можно рискнуть утверждать, что индивид является продуктом современности.

Более того, демократия основана не только на понятии индивида. Она должна также гарантировать некоторый порядок. Юристы хорошо знают, что не существует безусловной свободы, поскольку должны уважаться права другого и фундаментальное равенство (таково, с юридической точки зрения, понятие общественного порядка). Монтескье справедливо заявил: «Свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть». Итак, порядок, но вместе с тем и справедливость. *Suum cuique tribuere*, как говорили римские юристы, которые, конечно, не были демократами в нашем понимании этого слова.

Таким образом, демократия — весьма избалованная женщина: индивид, порядок, справедливость... У нее много любовников. Кроме того, до этого момента мы рассматривали только западные общества. Но существуют и другие, часто называемые «традиционными обществами», которые давно исследуются этнологами. *A priori* они не имеют отношения к нашим рассуждениям: в них нет ни демократии, ни личности. Тем не менее можно ли утверждать, что некоторые из них могут обеспечивать такой тип политического равновесия, который был бы своего рода демократией без индивида? Мы рискуем рассмотреть эту гипотезу в первой части нашей статьи. Во второй части детально исследуем, как современность порождает

¹ Martin X. L'homme des droits de l'homme et sa compagne. Bouère, 2001. P. 18.

² Rousseau J.-J. Correspondance complète. R. A. Leigh. T. 8. P. 320. 8 mai 1761.

индивидуальность в различных демократических движениях, обратившись за примерами к опыту Франции, что, надеемся, не будет нам упреком.

ЧАСТЬ 1. ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА: ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ ИНДИВИДА

Во многих обществах индивиду отводится скромная роль. Личное местоимение «я» известно азиатским языкам, но оно используется в них значительно реже, чем в западных языках. Сам по себе индивид не является неделимым атомом. Тем не менее общество существует и устанавливается в своих недрах некоторый порядок, некоторую справедливость, даже если она приобретает формы, несовместимые с нашими концепциями справедливости (кастовое общество). Баланс в нем часто обеспечивает так называемая «коммунитарная» модель.

А. Неопределенность понятия индивида. Понятие индивида, очевидное для нас,³ во многих обществах не является таким же определенным. Примером может служить африканское общество.⁴ Вообще, традиционные африканские общества предпочитают многополярную модель индивида: человек представляет собой удивительную совокупность взаимосвязанных элементов, временно объединенных в единое целое на протяжении его жизни, но всегда способных к диссоциациям по его воле или по воле другого человека. Так, волофы (Сенегал) различают три фундаментальных элемента: человеческое существо (*nit*), включающее в себя тело (*garam*) и духовную силу (*ruu*); дух (*rab*); жизненную силу (*fit*). В день смерти каждый элемент возвращается к своему источнику. Тело — в землю; духовная сила — к Богу; дух снова присоединяется к невидимому миру предков, а жизненная сила может оставаться привязанной к потомству.

Напротив, римское право, которое позже уступит место христианству, определяет индивида однообразно, используя понятие лица. Обозначая, прежде всего, ритуальную маску трагика, *persona* стала синонимом истинной природы индивида как обладателя индивидуальных прав (субъективных, инфляцию которых мы наблюдаем в XX в.) и привилегий.

Традиционные общества не выбрали этот путь, чтобы реализовать свои концепции порядка и справедливости. Можно вместе с Мишелем Аллио и Этьеном Ле Руа⁵ говорить о коммунитарной модели.⁶

В. Коммунитарная модель. Сообщества могут иметь различную природу. Конечно, семейную: это наиболее заметная черта традиционных обществ, довольно часто изучаемых этнологами с этой точки зрения. Здесь человеческие общества были весьма изобретательны, достигая порой очень высокого уровня сложности, подобно аборигенам Австралии. Кроме

³ Тогда как марксизм и психоанализ, каждый по-своему, значительно принизили это понятие.

⁴ Rouland N. Anthropologie juridique. Paris, 1988. P. 206.

⁵ Alliot M. Modèles sociétaux: les communautés. Paris, 1980; Le Roy E. Communautés d'Afrique Noire et protection des droits de l'individu face au pouvoir // L'individu face au pouvoir. Recueils de la société Jean Bodin. Bruxelles, 1988.

⁶ В современном французском обиходном языке у термина «коммунитаризм» плохая репутация. Несомненно, он не принадлежит к республиканской юридической традиции. Тем не менее коммунитаризм, по крайней мере в некоторых контекстах, может обеспечивать защиту индивида: это случай отдельных иммигрантских меньшинств (например, различные азиатские сообщества во Франции или коморцы в Марселе).

того, известны теории Клода Леви-Стросса о запрете инцеста: обязывая находить супруга за пределами семьи, этот запрет создает общество.

То, каким образом в традиционных обществах происходит координация, представляет значительный интерес для нашего исследования. Сообщества уделяют больше внимания своим особенностям, чем чертам сходства между собой, иерархиям, чем равенству. Они осмысливают себя через отношения не оппозиции, а взаимодополняемости, что может заменить демократическое равенство. В религиозной сфере: в Черной Африке Бог часто представляется в виде множества различных сил, иерархизированных и взаимозависимых. В сфере мифологии: большинство мифов об основании сообществ показывают, что они должны дифференцироваться (тогда как для большинства западных мыслителей классической эпохи — теоретиков общественного договора — напротив, общество может быть основано только на сходстве). В социальной сфере: каждый член общества нуждается в паре. Крестьянин, не имеющий права обрабатывать металл, испытывает потребность в кузнеце, который, не имея возможности трудиться на земле, ожидает пропитания от крестьянина. Тот же крестьянин нуждается в хозяине земли и хозяине дождя — а они, в свою очередь, имеют ценность только для такого крестьянина.

С политической точки зрения коммунитарная модель полиархична. В каждой группе существуют не только единая верховная власть над другими, но и власть над различными элементами природы (например, над воздухом, землей, морем и огнем — у камерунского народа дуала; над землей, водами и чащей — у тукулеров). Эти власти независимы друг от друга, что не позволяет, за исключением кризисных ситуаций, одной из них стать абсолютной.

Индивид играет определенную роль в этой структуре. Каждый индивид в течение жизни вступает в разнообразные сообщества, следуя различным правилам. Вступая в брак, человек создает новое жизненное сообщество — супружескую семью, которое получит продолжение в потомстве. Так он принимает на себя новые обязательства в родственных сообществах, которые он со временем может возглавить. Но брак также позволяет ему покинуть, помимо иных малых сообществ, класс подростков. Подобный плюрализм принадлежностей — индивид непременно принадлежит ко многим группам — обеспечивает ему защиту. В зависимости от ситуации он может оказывать большее влияние то на одну группу, то на другую. Но только индивиды, рассматриваемые как представители группы, могут включаться в правовую жизнь в силу особенностей, признаваемых их группой. В соответствии с ее позицией в социальной иерархии каждая группа имеет свой собственный тип полномочий, и только ее представитель правомочен участвовать в правовой жизни: по поводу государственных полномочий на уровне королевства — король; по поводу отцовской власти — глава рода; в отношении местной администрации — староста деревни и т. д. Каждый представитель может сам заключать договор с подобной соседней группой только через посредство ее представителя. Король будет вести переговоры только с королем.

Но в настоящее время исторический вектор колонизации, как правило, приближает традиционные общества к нам, поскольку наши общества заняты поисками энергоресурсов, и сталкивает их с современностью. Повышается роль индивида, что часто связано с такими политическими формами, которые мы называем демократией. Приступим к рассмотрению этого процесса.

ЧАСТЬ 2. АККУЛЬТУРАЦИЯ И ПОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДА

С точки зрения антропологии представляется возможным схематично представить феномены, которые сопровождают переход к современности в отношении понятия индивида. За примерами обратимся к французскому опыту, который, разумеется, не менее значим, чем иные.

А. Индивид и антропология перехода к современности. В своем исследовании⁷ Мишель Аллио, недавно ушедший из жизни, набрасывает картину этого перехода. С аккультурацией неминуемо исчезают различия в традиционных обществах: племена, касты, возрастные группы, родоплеменные связи в матримониальных системах, обширные семьи, частные способы решения конфликтов. Брак становится договором, который соединяет двух индивидов⁸ и основывается прежде всего на эмоциональном и сексуальном влечении. В таких обществах мы отметили второстепенную роль индивида. Действительно, в отличие от социальных групп индивид преходящ, его существование непрочное. В наших современных обществах укореняется другой миф: об абстрактном индивиде и вместе с ним — о равенстве как одном из оснований современной демократии. Школа естественного права даже считает индивида в высшей степени естественным существом: общество и его группы являются институтами, артефактами.

Общество становится совокупностью индивидов, а не соединением групп. Благоприятствуя независимости женщин и молодежи, экономический рост позволяет индивиду освобождаться от прежних связей, которые чаще воспринимаются им не как защитные, а как ограничивающие его. Развитие монетарной экономики имеет то же значение. Позволяя указанным образом оценить последствия выбора в различных сферах общественной жизни, оно благоприятствует частной инициативе.

Непрерывная эволюция ставит под вопрос статус старших. Их опыт больше не достаточен для молодых. Отметим, что именно в современных обществах впервые появились дома престарелых.⁹ Ж. Диамон приводит свидетельство фиджийца, шокированного этой практикой: «Во время посещения деревни на фиджийском острове Вити Леву я беседовал с одним туземцем, вернувшимся из США и поделившимся со мной своими впечатлениями. Он восхищался некоторыми явлениями американской жизни или завидовал, но были и те, которые вызывали у него отвращение. Больше всего он возмущался принятому у нас обращению со стариками. В сельских

⁷ Alliot M. Introduction à l'ethnologie de l'appareil juridique // Ethnologie générale (dir. J. Poirier). Paris, 1968. P. 1217–1235.

⁸ Каноническая доктрина, как и римское право, всегда рассматривала согласие супруга в качестве необходимого элемента установления матримониальной связи. Но на практике мнение семей всегда оставалось крайне важным.

⁹ Их число зависит от крепости семейных связей. В Испании их меньше, чем во Франции. Во французской Полинезии в настоящее время существует только один дом престарелых на главном острове Таити. Но молодые поколения менее склонны, в отличие от своих предшественников, оставлять стариков возле себя. Тем не менее не следует идеализировать прошлое в том, что касается пожилых людей. В средневековой Франции существовали оговорки о невыносимости (clauses d'insupport), благодаря которым молодая пара получала возможность проживать отдельно от родителей, принадлежавших к предыдущему поколению и передавших молодым имущество. Кроме того, французское позитивное право обязывает каждого супруга оказывать одинаковую помощь своим родителям и родителям своего супруга.

районах Фиджи старики доживают свой век, окруженные своими близкими и старыми друзьями, в той деревне, где прошла их жизнь. Часто они живут в доме своих детей, которые заботятся о них, вплоть до того, что даже разжевывают и размягчают для престарелых родителей пищу, поскольку у тех зубы сточились до десен. В США мой фиджийский собеседник был крайне удивлен тем, что пожилые люди помещаются в дома престарелых, где их время от времени навещают их дети: «Вы отвергаете ваших стариков и ваших собственных родителей!».¹⁰

Эти разнообразные преобразования способствуют формированию единого мифа, так как мифология не характерна только для традиционных обществ. Наши современные общества, в особенности с политической точки зрения, также основываются на мифах: разделение властей, народная воля, неделимость территории, законодательное единство и т. д.

Мишель Аллио справедливо констатирует: «Акультурация ведет общества к различению отдельных сфер при их анализе, к обособлению человеческого мира от космоса и священного. И этот мир сам по себе отныне воспринимается не как согласование различий, а как единство: единство закона, государственной суверенитет, эгалитарное единообразие индивидов являются элементами нового мировоззрения».¹¹

Именно в этих рамках формируется современная нам идея демократии: равенство, свобода, братство, которые соответствуют широко известному французскому девизу.¹² Мы хотели бы теперь приступить к рассмотрению французских концепций, в особенности тех, которые предвосхитили эпоху модерна.

В. Французские концепции. Политическое общество и французское конституционное право основываются на принципах, разработанных в конце XVIII столетия в эпоху Французской революции.

В преамбуле Конституции 1791 г., первой конституции (она еще была монархической), решительно провозглашается намерение уничтожить любые корпорации в пользу индивидуализма: «Национальное собрание, намереваясь утвердить Французскую конституцию на началах, только что признанных и провозглашенных им, отменяет бесповоротно установления, причинявшие ущерб свободе и равенству прав. Нет более ни дворянства, ни пэрства, ни наследственных, ни сословных отличий, ни феодального порядка, ни вотчинной юстиции, никаких титулов, званий и преимуществ, проистекавших из этого порядка, никаких рыцарских орденов, ни корпораций или знаков отличия, для которых требовалось доказательство дворянства или благородства происхождения, и никаких иных преимуществ, кроме отличий, присвоенных общественным должностным лицам при исполнении их обязанностей.

Не существует более ни продажности, ни наследственности каких-либо государственных должностей.

Ни для какой части нации, ни для одного индивида не существует более никаких особых преимуществ или изъятий из права, общего для всех французов. Не существует более ни сословных цеховых управ, ни профессиональных, художественных или ремесленных корпораций. Закон

¹⁰ *Diamond J.* Le monde jusqu'à hier. Ce que nous apprennent les sociétés traditionnelles. Paris, 2013. P. 248.

¹¹ *Alliot M.* Introduction à l'ethnologie de l'appareil juridique. P. 1235.

¹² Братство было добавлено в эту триаду только во время революции 1848 г.

не признает более ни религиозных обетов, ни каких-либо иных обязательств, противных естественным правам или конституции».¹³

В начале XXI в. этот текст, разумеется, утратил свою юридическую силу. Тем не менее он отражает стремление революционеров упразднить коллективные рамки прежнего общества.

Эта Конституция включает в себя Декларацию прав человека 1789 г. А последняя, в соответствии с правоприменительной практикой французского Конституционного совета, составляет часть позитивного права. Кроме того, многие решения этого юрисдикционного органа основаны на интерпретации принципа равенства.

Первая статья Декларации, конечно, самая известная, прямо указывает на место, завоеванное индивидом: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут быть основаны только на общей пользе». К этому можно добавить положение шестой статьи, в которой содержится определение закона: «Он должен быть единым для всех, охраняет он или карает. Все граждане равны перед ним и поэтому имеют равный доступ ко всем постам, публичным должностям и занятиям сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме тех, что обусловлены их добродетелями и способностями».¹⁴

Конечно, в зависимости от эпохи эти основополагающие тексты получали разные интерпретации. Разнообразие интерпретаций обусловило продолжительность их действия. Каждый юрист знает о творческом эффекте интерпретации. Серьезная ошибка фундаменталистов любого толка состоит в их уверенности в том, что спасение заключается в возврате к воображаемым чистым истокам. Относясь с подозрением к судебной практике и доктрине, Наполеон I говорил по поводу своего Гражданского кодекса: «Всего один комментарий — и мой кодекс погиб». Все произошло с точностью наоборот.

Как бы то ни было, в праве переходного периода¹⁵ мы видим триумф индивидуальности.¹⁶ Сен-Жюст заявлял: «Счастье — это новая идея в Европе». Камбасерес, безуспешно предлагавший множество проектов Гражданского кодекса, вторит ему применительно к праву: «Человек, собственник своей личности и своего имущества, не может в полной мере наслаждаться счастьем, которое он вправе ожидать от общества, если оно не дает ему, или, чаще всего, не предоставляет права распоряжаться по своему усмотрению этой двойной собственностью... Каждый создает счастье из отдельных элементов по своему усмотрению. Отсюда рождается договорное право, которое является не чем иным, как способностью выбирать средства для достижения своего счастья». Это уже принцип автономии воли, даже если он еще не определяется так в ту эпоху. Пункт 1 ст. 1134 Гражданского кодекса провозгласит его следующим образом: «Законно заключенные соглашения занимают место закона для тех, кто их заключил».

¹³ Текст Конституции Франции 1791 г. на русском языке приводится по изданию: *Документы истории Великой французской революции*. Т. 1 / отв. ред. А. В. Адо. М., 1990. С. 113–114. — *Прим. пер.*

¹⁴ Текст Декларации прав человека и гражданина 1789 г. на русском языке приводится по изданию: *Документы истории Великой французской революции*. Т. 1 / отв. ред. А. В. Адо. С. 112. — *Прим. пер.*

¹⁵ Право переходного периода существовало с 1789 по 1804 г., когда вступил в силу Гражданский кодекс.

¹⁶ *Rouland N. L'État français et le pluralisme. Histoire politique des institutions publiques*. Paris, 1995. P. 292–296.

Законодатель революционной эпохи также пытался разрушить вековые семейные устои. 20 сентября 1792 г. (накануне упразднения монархии и провозглашения республики) Законодательное собрание принимает закон, разрешающий развод, что было беспрецедентным новшеством. Этот закон разрешал даже развод по причине несходства характеров, чем можно было объяснить почти все случаи развода... Два года спустя закон снова вступает в противоречие с обычаями, устанавливая равенство наследников (помимо права первородства, равенство между сыновьями и дочерьми). Более того, завещательная свобода была почти полностью запрещена. Можно было завещать лишь небольшую долю своего имущества, причем никогда в пользу законных наследников по прямой линии или по боковой линии, а только в пользу третьих лиц. Итак, невозможно было обойти требование равенства наследников. Молодые люди оказывались в привилегированном положении, поскольку их считали более восприимчивыми к революционным идеям: они постоянно опережали родственников наследодателя по восходящей линии.

Речь идет о повышении значения индивида даже в его отношениях с вещами. Камбасерес, представляя 9 сентября 1794 г. Конвенту свой проект Гражданского кодекса, торжественно заявляет: «Быть хозяином своей личности; иметь средства для удовлетворения своих потребностей; распоряжаться в своих интересах своей личностью и своими средствами. Итак, все гражданские права сводятся к правам на свободу, собственность и заключение договора».

Эта программа воплотится в жизнь. Феодалная собственность будет вскоре уничтожена в пользу утверждения концепта частной собственности. Институт найма вещей преобразуется так, чтобы сохранить индивидуальную волю и ее изменения: больше продлений договора по умолчанию, больше пожизненных арендных договоров, увековечивающих права арендаторов и нанимателей. Та же забота об интересах индивида обуславливает враждебное отношение законодателя к коллективным формам собственности и прав пользования, тем не менее глубоко укоренившимся в крестьянских обычаях. Этими же причинами объясняется неприязнь законодателя к отношениям, складывающимся в семье по поводу наследования. Совместная собственность воспринимается им как потенциальное препятствие на пути индивидуальной свободы. В ст. 815 Гражданского кодекса это принимает следующую форму: «Никто не может быть принуждаем к сохранению нераздельности общей вещи». Следовательно, только один сонаследник может требовать раздела имущества. Итак, индивид получает правовые средства для своей автономии.

Многие из этих дерзких нововведений долго не продержатся. Подход авторов Гражданского кодекса ко многим вопросам указывает на возврат к прежнему порядку. Известны слова Наполеона: «Природа создала наших жен нашими служанками». Его Кодекс должен был вернуть их на истинный путь: измена жены снова становится деликтом, равенство супругов в управлении домашними делами больше не гарантируется. Часть имущества, находящаяся в свободном распоряжении, значительно увеличится. И в 1806 г. Наполеон восстановит право первородства в форме майоратов, чтобы повысить престиж новой элиты. Развод сохранится, но станет невозможен по причине несходства характеров. Кодекс уточняет (ст. 298), что в случае развода из-за прелюбодеяния «виновный супруг никогда не сможет заключить брак со своим соучастником.... Прелюбодейная жена присуждается... к заключению в исправительном доме на определенный срок, который не может быть меньше трех месяцев и не может превышать

двух лет». Но в сфере права частной собственности сохранятся все новеллы переходного периода.

С политической точки зрения республиканский режим постигли неудачи. Но в первые годы его существования были заложены основания французской концепции демократии. И в конце XIX в. республика окончательно разделается с монархией.

В настоящее время эти принципы претерпевают глубокие изменения. Я могу указать здесь лишь на несколько важных моментов: установление различия между мужчинами и женщинами в Конституции в начале XXI в., который сопровождает жаркую политическую дискуссию о понятии равенства; смягчение секуляризации по-французски; расширение понятия личного статуса в Новой Каледонии (начиная со ст. 75 Конституции 1958 г.), но при этом: очередное утверждение принципов унитаризма (практика Конституционного совета в 1991 г.), сомнения по поводу языкового разнообразия.

Заключение: групповая логика в современных обществах. На всем протяжении нашего исследования мы разграничивали модели традиционных обществ (прежде всего, примитивных обществ, поскольку другим традиционным обществам могут быть известны формы концентрации политической власти) и обществ, называемых «современными». По правде сказать, это сравнительно поверхностное противопоставление... На самом деле групповая логика существует в наших современных обществах, в том числе французском. Еще раз сошлемся на исследование Мишеля Аллио.¹⁷

В области семейных отношений происхождение от общего предка заменяется однолинейным родством из-за заботы о равенстве. В социальной сфере коллективное измерение еще заметнее. Вспоминается знаменитая древнеримская поговорка: «Горе одинокому».¹⁸ В действительности, после запрета цеховых организаций в начале революционной эпохи, конец XIX столетия ознаменовался появлением профсоюзов. Сегодня во Франции насчитывается около 40 000 ассоциаций, и каждый индивид часто является членом нескольких из них. Можно привести в качестве примера профессиональные объединения и их дисциплинарное право. Но данные группы являются объединениями индивидов, что отличает их от групп в традиционных обществах, где между ними значительно меньше различий. В семейных и профессиональных конфликтах все популярнее становится медиация и арбитраж, кроме того, часто поддерживаемые законодателем.

Разумеется, в политической жизни участвуют партии, более или менее следующие положениям конституционного права. Но, прежде всего, по мере роста социально-политической иерархии утверждается групповая логика.¹⁹ В министерском управлении сильные мира сего в ходе переговоров заключают соглашения о компенсации. Принцип единогласия поглощает собой принцип большинства: совещание комиссий — разновидность традиционной беседы между вождями племен — позволяет достичь консенсуса. Крайне редко они предстают перед административным судом, чтобы решить конфликт. Кроме того, такая логика оправдывает существование определенной дисциплины, существующей наряду с административным правом, — административной науки, которая является для администрации тем же, чем политическая наука является для конституционного права.

¹⁷ Alliot M. Introduction à l'ethnologie de l'appareil juridique. P. 1223.

¹⁸ Имеется в виду древнеримская поговорка «Vae soli». — Прим. пер.

¹⁹ Rouland N. Anthropologie juridique. P. 405–407.

Указанное сходство с традиционными обществами не случайно: руководящие группы, не имея возможности апеллировать к высшему авторитету, вынуждены следовать принципам, используемым на протяжении долгого времени традиционными обществами.

Мишель Аллио отмечает: «Мифическая система права ручного управления не применяется, когда речь идет об определении позиций и принятии решений на самом высоком уровне. Она задействуется значительно позже, чтобы не позволить 54 миллионам французов увидеть, что закон является результатом представлений и конфликтов небольшого числа людей, и чтобы заставить их признать, что они должны ему подчиняться, потому что он выражает их волю. Для общества в целом, как и для каждого его члена, рациональная и унитарная видимость системы управления скрывает за собой противоположную реальность, многогранную, конфликтную, принимающую различные формы, которую антропология помогает обнаружить, когда она признает, что мыслить мир означает мыслить право».²⁰

Больше чем когда бы то ни было кажется, что подтверждается тезис Клода Леви-Стросса: разум дикаря не является разумом дикарей. В каждом из нас, давая начало юридическому плюрализму, сосуществуют разум дикаря и современный разум.

²⁰ *Alliot M. L'anthropologie juridique et le droit des manuels // Archiv für Rechts und Sozialphilosophie. 1983. N 24. S. 81.*